

шего ущерб деловой репутации партии, с требованиями обязать указанные печатные СМИ в течение месяца с момента вступления решения суда в законную силу бесплатно опубликовать опровержение в защиту деловой репутации истца; ответ истца по вопросам, затронутым в информационном материале; взыскать с ответчиков солидарно: компенсацию морального вреда (ущерба деловой репутации) и судебные расходы по уплате государственной пошлины. Однако суд отказал партии в удовлетворении исковых требований, так как, проанализировав фрагменты оспариваемых фраз, он признал, что в них отсутствуют признаки, позволяющие рассматривать эти фразы как порочащие в отношении истца, поскольку они не являются утверждением о фактах¹.

Для политической партии негативное отношение избирателей в результате распространения не соответствующих действительности сведений влечет за собой не только материальные убытки в связи с потерей голосов на выборах, но и нравственные страдания убежденных ее сторонников. Поэтому считаем целесообразным в связи с значительным увеличением обращений политических партий в суды за защитой своей деловой репутации в отношении такого вида юридических лиц, как политические партии (возможно и других общественных объединений), распространить действие нормы гражданского законодательства о возмещении морального вреда, поэтому п. 11 ст. 152 Гражданского кодекса РФ предлагаем сформулировать следующим образом: «Правила настоящей статьи о защите деловой репутации гражданина соответственно применяются к защите деловой репутации юридического лица», т.е. закрепить в этой статье возможность юридических лиц требовать возмещения морального вреда.

Ерыгина В.И.,

доцент кафедры теории и истории государства и права
Юридического института Белгородского государственного
национального исследовательского университета, к.и.н., доцент

ДОКТРИНА О МЕСТЕ СУДЕБНОЙ ВЛАСТИ В СИСТЕМЕ РАЗДЕЛЕНИЯ ВЛАСТЕЙ В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ГОСУДАРСТВЕННО- ПРАВОВОЙ НАУКЕ XIX – НАЧАЛА XX ВВ.

В современной доктрине судебной власти ей традиционно отводится третье место после законодательной и исполнительной ветвей власти. Однако ее значение несколько не меньше для становления истинного демократического правового государства по сравнению с другими видами властей. Впервые реальное отделение судебной власти от исполнительной или административной в российском государстве произошло 150 лет в ходе судебной реформы 1864 г., когда суды стали самостоятельными органами, независимыми от администрации. Эта реформа имела революционное значение, так как, во-первых, способствовала изменению всего государственного строя

¹ Кассационное определение Верховного Суда Республики Карелия от 1 ноября 2011 г. по делу № 33-3238/2011 // Справочная правовая система «Консультант Плюс». Версия Проф. Судебная практика.

России, предопределила ее переход в начале XX в. к конституционной монархии, в ходе которой зародилась законодательная власть и была создана теоретико-правовая основа для разделения властей; во-вторых, она дала толчок развитию юридической науки и образования; в-третьих, ввела принципы судопроизводства и судоустройства, действующие и поныне.

До начала XVIII в. суды в России не отделялись от администрации, и только в ходе реформ Петра I была сделана попытка их разделения и создания самостоятельных судебных органов (Сенат, Преображенский приказ, Юстиц-коллегия, надворные суды, провинциальные суды, кригсрехты), однако по-прежнему эти органы совмещали функции управления и суда. Следующая, хотя и непоследовательная попытка отделить суды от администрации были сделаны в ходе судебной реформы 1775 г. Екатерины II. Однако и после этой реформы продолжалось прямое вмешательство в судебный процесс чиновников, полиции, что свидетельствовало об укоренении в России сильных бюрократических традиций как в системе управления, так и суда.

Исторические условия существования судебной системы в России обусловили господство доктрины среди ученых-юристов о подчиненной роли судов, о принадлежности их к исполнительным органам власти. Основы данной доктрины были разработаны еще в начале XIX в. выдающимся русским юристом М.М. Сперанским, который в проекте государственных реформ, представленных Александру I, писал о том, что «власть судная в источнике своем» является властью исполнительной. По мнению мыслителя: «Власть судная удостоверяется» в нарушении закона, восстанавливает его силу, т.е. приводит его в исполнение. Сперанский предложил ввести «судную ответственность», т.е. ответственность за нарушение порядка судопроизводства. Он видел три способа реализации такой ответственности: 1. по жалобам частных лиц в законодательное сословие; 2. ответственность и объяснение по каждому делу министра юстиции; 3. ответственность самих судей. «Действие же власти державной в суде должно быть ограничено одним установлением власти надзирающей и охраняющей судные образы»¹. Сперанский считал, что и высшие чиновники: члены Государственного Совета, Государственной думы, Сената, министры и их товарищи, главные директора, управляющие частями, генерал-губернаторы и губернаторы, должны подлежать ответственности, меру которой должен определять суд особенного образования, именуемый им Верховным уголовным судом при Сенате². Таким образом, Сперанским были впервые высказаны и обоснованы основополагающие идеи доктрины судебной власти как власти исполнительной, несущей такую же ответственность, имеющей единообразные формы осуществления.

В российской правовой доктрине были также трактовки роли судебной власти в качестве высшего органа контроля. Однако, по мнению Л.А. Тихомирова, известного апологета монархической власти, «облечение высшего

¹ Сперанский М.М. Введение к уложению государственных законов (План всеобщего государственного образования) // Сперанский М.М. Избранное. М., 2013. С. 87-88.

² Там же С. 108.

органа судебной власти правами общего контроля составляет даже нарушение принципа взаимной независимости специальных властей». Высшая судебная власть должна быть независима, но не бесконтрольна, поэтому, как считает мыслитель, нельзя признать правильной идею о придании суду значения контрольного органа исполнительных учреждений. Тихомиров характеризовал суд как «хранилище законности», которое должно сохранять и охранять законность так же, как и другие ведомства. Суд не должен давать оценку таких действий, в отношении которых «приходится оставлять почву строгой законности и становиться на точку зрения общественной пользы и высшей правды», так как судебная власть «не подготовлена к правильному решению и не вооружена надлежащей для этого универсальностью компетенции». Тихомиров утверждал, что хороший суд «должен оставаться самим собой – властью судебной, а не контрольной», так как «его дело – сфера законной справедливости». Также Тихомиров выступал против передачи судам функции толкования смысла законов, поскольку суды должны применять закон, а не его истолковывать, ибо наделение судебных учреждений правом самостоятельного истолкования смысла закона может привести к произволу суда. Главной обязанностью суда, считал Тихомиров, является привлечение к ответственности нарушителей закона, даже если ими являются самые высокие лица правительственных ведомств¹.

Известный государствовед Б.Н. Чичерин также уделял значительное внимание вопросу о месте судебной власти в системе разделения властей и кратко формулировал его так: «суд прилагает закон к правам граждан». Поскольку суд, по мнению ученого, является «высшим органом правды», он должен быть наделен, прежде всего, свойством беспристрастности, что возможно только при полной независимости как от тяжущихся лиц, так и от власти, охраняющей общественный порядок и преследующей его нарушения, например, от полиции. Судья должен быть независим, и никакая власть не имеет права предписать приговор, подобно тому, как предписываются действия низшим административным органам. Такие предписания противоречат значению суда, ибо его решение зависит не от воли власти, а беспристрастного исследования всех обстоятельств дела и внутреннего убеждения судьи. Исходя из этих предпосылок, Чичерин определял характер отношений между судебной и другими ветвями государственной власти следующим образом. Во-первых, судебная власть, считал Чичерин, независима от законодательной и, как правило, должна быть от нее отделена, так как законодатель принимает общие нормы для всех, а судебная власть, напротив, рассматривает дела отдельных лиц, частные случаи. Поэтому закон получает высшее нравственное значение и является выражением правды, а не политическим орудием в руках власти или партий. А поскольку судья применяет закон по внутреннему своему убеждению, по совести к конкретным частным случаям, судебная власть должна быть совершенно независима от законодательной. При столкновении интересов властей, например, законодательной и исполнительной, в случае

¹ Тихомиров Л.А. Монархическая государственность. М., 2010. С. 605-608.

противоречий между основным законом и обыкновенными, законодательная власть, как источник закона, стоит выше судебной. В тех странах, где признается независимость правительственной власти от судебной, суд лишается важнейшей своей политической функции – быть органом закона при столкновении властей или при нарушении прав граждан, в результате чего порядок не может быть обеспечен¹. Во-вторых, Чичерин наделял суд правом толкования закона. Судья не может обратиться к законодателю за разъяснением, ибо законодательное толкование относится к смыслу закона вообще, а не к отдельным случаям. Поэтому при рассмотрении отдельных случаев судья является единственным толкователем, решения которого имеют силу закона². В-третьих, судья восполняет закон в случае пробела. В данном случае он еще менее может обращаться к законодателю, так как новый закон имеет силу только для будущего, а судья решает случай в прошедшем.

В исключительных случаях, когда дело касается политических преступлений, особенно ответственности министров, судебными полномочиями наделяется законодательная власть в странах с парламентским режимом. Парламенты имеют право выдвигать обвинения в адрес министров, совершивших политические преступления. В отдельных странах для этого создаются особые «верховные судилища».

Чичерин также сформулировал правило, что «суд и управление должны быть разделены» и обосновывал это следующим образом. «Судья призван отправлять правосудие, администратор заведует изменяющимися общественными интересами; судья действует по закону, администратор по усмотрению; судья произносит приговор, администратор исполняет приказания; судья, как беспристрастный третий, должен быть независим от всяких посторонних влияний и от общественных отношений, администратор погружен именно в эти отношения и является зависимым колесом простирающейся на все государство бюрократической машины». Если исполнительная и судебная власти соединяются, «так или администратор становится судьей, и тогда водворяется судебный произвол, или же судья вмешивается в администрацию, и тогда последняя получает свойственный ей судебный характер», поэтому Чичерин был убежден, что разделение властей является шагом в сторону высшего развития³.

Мыслитель делал вывод о том, что «всякое посягательство на независимость суда искажает его значение; он перестает быть органом правосудия и низводится на степень простого орудия власти». «Независимость судебной власти от законодательной и правительственной определяет политическое ее значение. Суд не занимает в государстве такого места, как обе предыдущие власти; он стоит не наверху, а внизу, при соприкосновении власти с гражданами». Вследствие его «ближайшего отношения к гражданам он служит первой и самой надежной преградой произволу как сверху, так и снизу. Призва-

¹ Чичерин Б.Н. Общее государственное право / под ред. и с предисл. В.А. Томсинова. М., 2006. С. 337-338.

² Там же. С. 338.

³ Чичерин Б.Н. Общее государственное право / под ред. и с предисл. В.А. Томсинова. М., 2006. С. 339-340.

ние суда – охранять законный порядок, составляющий одну из высших и важнейших задач государства»¹.

Продолжая тему самостоятельности судебной власти, С.А. Котляревский перечислял такие ее формы, как сочетание выборности судей в низших судебных инстанциях с назначением и несменяемостью. Эти принципы, в частности, несменяемость судей, выборность мировых судей были признаны уставами Александра II, противореча самодержавному строю. По мнению ученого, с помощью суда присяжных было осуществлено «самоопределение нации» в области суда. Об отношениях между судебной и исполнительной властями он высказал свое мнение так: «ничто, в действительности, не способствует так устранению бюрократического самовластия, ничто не препятствует в такой мере созданию обособленного чиновничьего класса, как подчинение всех должностных лиц общим судебным учреждениям»².

Таким образом, достаточно много работ по государственному праву в дореволюционной России было посвящено решению вопроса, следует ли считать судебную власть лишь ветвью исполнительной, или она имеет самостоятельное значение. Большинство российских ученых вслед за Монтескье разделяли последнюю точку зрения. «Русские судебные уставы 1864 г. не могли противостоять давлению окружающего их полицейско-бюрократического режима, и все же введенные ими начала глубоко изменяли жизнь государственного организма и являлись одним из тех ферментов, которые рано или поздно должны были привести его к гражданской и политической свободе»³. Актуально и сегодня звучат слова С.А. Котляревского, писавшего в начале XX в. о том, что «современная демократия, быть может, не менее нуждается в высокостоящем на страже права судебном авторитете... Россия слишком многим обязана своим судам, созданным реформой Александра II, несмотря на все ее позднейшие искажения... Пусть же этими (судебными – *вставка автора статьи*) гарантиями будет окружена и наша юная политическая свобода!»⁴.

Жирикова К.А.,

преподаватель кафедры гражданского права

Юридического факультета Южного федерального университета

УСТАНОВЛЕНИЕ ОТЦОВСТВА В СУДЕБНОМ ПОРЯДКЕ

Конституция РФ (п. 1 ст. 38) предусматривает охрану материнства, детства и семьи. Российское государство придаёт важное и первостепенное значение обеспечению прав и интересов детей, их защите. Забота о детях, их воспитание – является равным правом обоих родителей. Основная обязанность по воспитанию и содержанию, представлению и защите интересов де-

¹ Там же. С. 341.

² Котляревский С.А. Избранные труды / С.А. Котляревский – М., 2010. – С. 240-247.

³ Там же. – С. 238.

⁴ Котляревский С.А. Избранные труды. М., 2010. С. 252.